

Но вот я вернулся в Париж. Я написал стихи о разлуке с любимой, ибо целый месяц не мог позабыть м-ль де Мурью. Эти стихи меня заставили прочесть у Вдовушки, где присутствовал Серилас, которому я предоставил немалую передышку; он их весьма похвалил. И вот случилось так, что я девица, с которой я расстался, и та, другая, к коей мой родственник заставил меня столь некстати написать письмо, встретились в этом доме: они приходились Вдове родней. Каждая из них — и Вдова и обе ее родственницы — были уверены, что я написал эти стихи во время путешествия именно для нее, ибо женщинам нравится, когда их любят. Это мне очень помогло в моих отношениях со Вдовой; она вообразила, будто я ее не забыл, и однажды, уж не помню по какому поводу, сказала мне: «Все это еще, может, и не так, верно только одно: я ваша преданная служанка». И вот у нас с нею пошло еще лучше, чем когда-либо. В ту пору она мне и рассказала о ревности Сериласа. «Он молит меня подарить ему лишь немного дружбы; ему передо случается плакать передо мною; о вас же он никогда не говорит». Из ее слов я вывел, что любовники, кои довольствуются столь малым, никогда не бывают в большом почете; впрочем, на его счет ходили слухи, будто он страдает вечным поносом; и в самом деле, у него был желтоватый, нездоровый цвет лица, свойственный людям с расстроенным пищеварением. Он был умен, отличался живостью и при этом любил острить; когда ему казалось, что он сказал нечто забавное, он первым начинал смеяться, а ежели кто не слышал его остроты, он ему говорил: «Вы-то не слышали, я сейчас сказал то-то и то-то». Я же был весел, подвижен, любил попрыгать и пошуметь более чем кто-либо, ибо хотя по натуре своей был склонен к меланхолии, но меланхолия эта была далеко не мрачной и не мешала мне веселиться, когда это требовалось; при этом Вдовушка находила, что в остроумии моем много игривости; не знаю, были ли с ней согласны и другие. Я бывал на всех прогулках, участвовал во всех развлечениях, и моя милая без меня ничего не предпринимала; да и я проводил с ней почти все свое время; только по утрам я сидел за книгами, а после обеда целиком был в ее распоряжении. Никогда я не проводил время так хорошо, ибо был очень влюблен и очень любим: мы могли вволю говорить и вволю целоваться; сестры никогда не обедали вместе и не ладили меж собою больше чем когда-либо. Тирсис и его жена прекрасно понимали, что Вдова привязалась ко мне, и это начинало становиться им не по вкусу, точно так же как и моему сопернику.

Наши вежливые объятия бывали подчас необычайно пылкими: мы были сильно увлечены друг другом. Она обладала известным умом и изливала порою свою страсть в стихах. Однажды на прогулке мне показалось, что она бледна; на следующий день я ей послал стихи, которые потом потерял, где говорилось о том, как напугала меня ее бледность. Она ответила мне следующим четверостишием: